

Лидия Чарская

**Лидия Чарская. Том 35. Бичо-
Джан Рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ч-22

Чарская Л.
Ч-22   Лидия Чарская. Том 35. Бичо-Джан Рассказы / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 102 с.

ISBN 978-5-458-04399-1

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодяям и мерзавцам не удастся взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее герои такие, какими в основном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

ISBN 978-5-458-04399-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том тридцать пятый

Повесть и рассказы для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

Бичо-джан

Вступление

Между тремя морями — Черным, Азовским и Каспийским — широко и просторно раскинулся дивный край — Кавказ. Величествен Кавказ. Горы, поднимающиеся высоко за облака; пропасти, уходящие в самую глубину земли; реки, побеждающие преграды на своем пути, перескакивающие, как дикие звери, через острые камни и воющие день и ночь сердито — все прекрасно.

Великолепные есть уголки на Кавказе и лучший из них — Грузия.

Невелика эта страна, немного в ней городов, немногочисленно ее население, но красива она необычайно. Недаром ее называют жемчужиной Кавказа.

Была когда-то Грузия самостоятельным царством, и жил ее народ свободно, шумно и весело. До сих пор на выступах ее гор высются причудливые замки, где обитали когда-то храбрые воины, мечтавшие о славе и подвигах. До сих пор еще в горах Грузии живы предания о давно минувших временах. Из рода в род передаются там рассказы о далеком прошлом грузинского народа и его славных делах. Многие из этих рассказов лишь красивые сказки, но многие — истинная быль, хотя тоже похожа на сказку.

Одну из таких былей я и хочу вам рассказать. Быть может, в ней немало странного, невероятного, но многие из тех, о ком говорится в этой были, живы еще и охотно передают все ее подробности своим детям и внукам.

Глава первая

Кико, Шуша и Илита

Худая, коричневая от загара старуха Илита вышла на порог дома и, заслонившись от солнца костлявой рукой, крикнула громко на всю усадьбу:

— Кико! Где ты, голубь мой? Ступай домой скорее: князь уезжает!

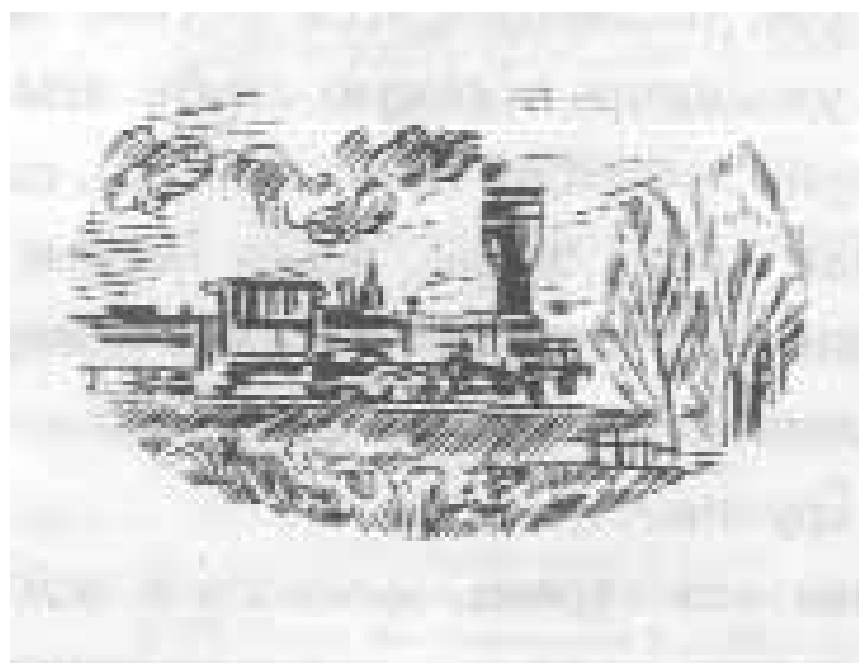
Крикнула и прислушалась на мгновение, не отзовется ли ей кто-нибудь из густой чащи виноградника.

Сначала все было тихо в чаще, только легкий шорох да приглушенный писк какой-то птички долетали до слуха Илиты. Но вот к ним присоединились другие звуки: сдержанное хихиханье и неразборчивый шепот...

По коричневому сморщенному лицу Илиты скользнула улыбка.

— Вижу теперь, вижу, здесь ты! Не укрыться тебе от моих глаз, горный орленок!

В ту же минуту с веселым смехом и шумом двое детей выскочили из-за зеленой засады и бросились к старухе. Впереди бежал мальчик лет девяти, тоненький, стройный, чернокудрый. Его красивое смуглое личико задорно выглядывало из-под невысокой бараньей шапочки, а синие яркие глазенки, казавшиеся еще темнее под густыми ресницами и черными, гордо вырисованными бровками, так и искрились, так и горели шаловливым огоньком. Одет он был в белый кафтан из тонкого сукна, который плотно облегал его гибкую фигуру, и в широкие малиновые шальвары (штаны); мягкие сафьяновые сапожки с кисточками вместе с

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кино, Шуша и Илгиз

серебряным поясом дополняли его наряд. На груди его сверкали блестящие патронники, а за поясом был заткнут маленький настоящий кинжал.

Следовавшая за мальчиком девочка была одета в шелковую рубашку, подпоясанную серебряным поясом, поверх которой был надет нарядный кафтан; на голове она носила маленькую бархатную шапочку со спускающимся с нее кисейным покрывалом. Две тщательно заплетенные и перевитые нитями черные косы спускались у нее на грудь. Если бы не эти косы, девочку можно было бы принять за мальчика, переодетого в женское платье, — так бойко поблескивали ее черные глазки.

Как только увидела старая Илита чернобровую девочку, так и накинулась на нее.

— Ах ты скверная девчонка! Опять князька нашего, красное солнышко, прятаться в винограднике научаешь! Опять, не приведи Господи и святая Тамара, он себе личико поцарапает, платье изорвет! Какой я тогда дам ответ князю? Подумала ли ты об этом? Вот погоди, задам я тебе за это!

И бронзовая рука старухи потянулась к розовому ушку девочки.

Но тут мальчик с проворством кошки прыгнул между старушкой и девочкой, заслоняя ее.

— Не тронь, бабушка, Шушу. Я тебе песенку за это спою! — крикнул он весело.

И странное дело! От этих слов как-то сразу прояснилось лицо старухи. Точно солнечный луч озарил его, и она проговорила ласково:

— О мой Кико, мой золотой луч, розан души старой Илиты, спасибо тебе за обещание спеть. Ты поешь, как соловей, мой бесценный алмаз, и нет для старухи Илиты лучше в мире песни, как твоя, мой бичо-джан!

Старушка наклонилась и обняла мальчика.

Тот поморщился. Он не любил таких нежностей.

Кико был сыном грузинского князя Тавадзе, род которого с незапамятных времен жил на Кавказе и славился своими подвигами. А когда Грузия присоединилась к России, предки князя Тавадзе прославились многими подвигами, участвуя вместе с русскими войсками в битвах с воинствующими племенами Кавказа. Сам князь Тавадзе не мог, подобно своим предкам, проявить боевую отвагу в схватках с кавказскими татарами и другими горцами, потому что война давно утихла, дикie народы были умиротворены соединенными силами русских и грузин. Князь Павле Тавадзе в своем поместье в Грузии мирно занимался домашними делами и воспитанием единственного своего сына Кико, рано оставшегося сиротою после смерти матери.

Вся Грузия знала огромные поместья князя Павле. У него были лучшие виноградники по берегу реки Алазани и бесконечные поля, засеянные пшеницей, просом и кукурузой, вдоль Алазанской долины. Прекрасное имение князя недалеко от города Телави славилось на всю Грузию не только своими посевами и виноградниками, но и крупным рогатым скотом (коровами, буйволами), козами, баранами и чудесными лошадьми. И все эти бесчисленные богатства после смерти князя Павле должны были перейти к его единственному сыну Николаю, или, как его звали, Кико. Других родных у князя не было. Только где-то далеко в горах жил его дальний родственник Вано Мичашвили с детьми. Про него шли слухи, что он промышляет какими-то темными делами. Вано изредка наезжал к

своему богатому родственнику, чтобы выпросить у него какой-нибудь подарок. Князь Павле, хотя охотно помогал своему родственнику и одаривал его со свойственной ему щедростью, был сдержан с ним и осторожен, потому что Ваню Мичашвили, по общей молве, был злой и корыстный человек.

Рано осиротев, Кико воспитывался на руках старой няньки-грузинки Илиты вместе с ее внучкою Шушей, тою самою девочкою, которая вместе с ним спряталась в винограднике.

Шуша была единственной подругой Кико. Он ее любил. Любил потому, что она была такая же ловкая, быстрая, смелая, как он, Кико, и ничего не боялась. Шуша даже кинжал носила под полой кафтана, точно мужчина-грузин, а на лошади скакала не хуже самого Кико.

— Джигит она, настоящий джигит (ловкий наездник, умеющий лихо владеть конем и оружием), а не девчонка! — часто повторял Кико.

Сам он тоже всегда только и мечтал о том, чтобы заслужить лестное, по его мнению, название джигита и иметь случай проявить свои лихость, смелость и отвагу. Он жалел, что войны с горными татарскими племенами давно уже покончены, а то он отомстил бы за каждую каплю крови, пролитую его предками, и завоевал бы всех горцев Дагестана. При одной мысли об этом черные бровки его сходились на переносице, а синие глаза делались огненными от сверкавшего в них пламени отваги.

Кико ужасно не любил, когда старая Илита обнимала и целовала его и нежно называла:

— Бичо-джан.

"Бичо-джан" — это по-грузински душа-мальчик, славный, хороший мальчик. Но так обыкновенно называют маленьких детей, а он, Кико, не считал себя ребенком. И действительно, во всей повадке мальчика, несмотря на его шаловливую резвость и детскую несдержанность, было нечто, указывающее, что он развит не по летам, что он храбр и смел, точно взрослый юноша.

А тут, нате-ка, точно нарочно, Илита, или бабушка, как привык Кико называть вынянчившую его старушку, обнимает и целует его, как какую-нибудь девчонку...

Но Кико не успел заявить свое неудовольствие. Он увидел что-то по ту сторону двора и замер от неожиданности.

Там, на той стороне двора, стоял запряженный фазтон. Кучер Арзел возился около экипажа. Большой кожаный чемодан прикреплен был позади сиденья.

— Кто едет, бабушка? Неужели отец? И надолго? Да говори же скорее, бабушка Илита! Надолго отец уезжает? — кричит мальчик и в забывчивости дергает старуху за рукав сорочки.

От нетерпения Кико топает ногою, обутой в мягкий сафьяновый сапог, или, как называют такие сапоги в Грузии, чувяки.

Кико больше всего в мире любил своего отца. Отлучки из дома князя Павле всегда тяжело отзывались на впечатлительной душе мальчика. Если чего-нибудь и боялся на свете Кико, так только какого-нибудь несчастья, которое могло случиться с его отцом. И сейчас Кико сделался печальным; едва слушая, что говорит ему Илита, он поспешил в дом.

* * *

— Здравствуй, мой Кико. Давно ожидаю тебя, соколенок.

Высокий черноусый мужчина лет тридцати пяти или немного больше, с величавым, несколько гордым лицом, с теми же синими пламенными глазами, что и у Кико, приподнялся с пестрой тахты, на которой полулежал с длинным чубком во рту, и протянул руку вошедшему мальчику. В комнате, куда после залитого солнцем двора попал Кико, было полутемно и прохладно, несмотря на жаркую июньскую пору. Окон в ней не было, но вокруг всего дома князя Тавадзе шла крытая галерейка, и через нее проникал дневной свет в главную комнату, кунацкую, как называли приемную для гостей в доме князя. Эта комната была устлана пушистыми мягкими коврами. Вдоль стен ее помещались широкие низкие диваны — тахты, как их называют на Кавказе, тоже покрытые коврами, а поверх их лежали круглые подушки в виде вальков. На полках расставлена была серебряная посуда, турьи рога, заменявшие собою чарки для вина на пирушках, всевозможные ковши и кувшины. На низеньком столике, придвинутом к тахте, стояли серебряные же чарки, а высокий с тонкой шеей кувшин (кула по-грузински), до верха наполненный вином, стоял прямо на ковре, слабо сверкая своею гранатного цвета жидкостью в слабых лучах пробивавшегося дневного света.

Хотя князь Павле Тавадзе и служил когда-то в полку русского войска и отлично знал европейскую жизнь, но все же, любя всею душою свою маленькую родную Грузию, он, выйдя в отставку в чине есаула казачьего полка, держался во всем обычаям предков и весь свой дом вел на грузинский лад.

В глазах князя, обращенных к Кико, было много ласки и отеческой любви, несмотря на то, что он казался суровым и строгим.

— Вот он каков, мой мальчик! — произнес князь с заметной гордостью, указывая сидящему на другом конце тахты человеку на своего Кико.

Маленький князек, весь занятый мыслью об отъезде отца, тут только заметил двоих людей, находившихся в комнате. Один из них — худой, длинный, как жердь, в изрядно потрепанной и запыленной одежде, с маленькими бегаящими глазками, был Ваню Мичашвили, прискакавший сюда, очевидно, за подачкой из своего "Орлиного гнезда", как называлось его поместье в горах.

Другой находившийся здесь гость был юноша лет семнадцати, как две капли воды похожий на отца, старший сын Ваню Давидка, похожий на горного волчонка со взъерошенной головой и беспокойным взглядом желтых совиных глаз.

И дядю, как Кико называл Ваню Мичашвили, и его сына Давидку Кико встречал и раньше, и как тот, так и другой своим пронырливым видом и постоянными выклянчиваниями подарков были противны открытой и гордой душе мальчика.

— А-а! Вот и он, ваш бичо-джан, чудный алазанский соловей. Здравствуй, красавчик Кико! Здравствуй, бичо-джан! — произнес Ваню, протягивая Кико свою жилистую сильную ладонь и задерживая в ней смуглую ручонку маленького князя.

Кико ужасно захотелось вырвать свою руку из руки Ваню, но он вовремя вспомнил о том, что Ваню — как-никак гость у них в доме, а гость считается священной особою не только в Грузии, но и на всем Кавказе. Восточный обычай велит почитать гостей, и каждый кавказец свято исполняет этот обычай. Вот почему Кико, затаив глубоко в душе своей неприязнь к Ваню, о темных делах которого ходили настойчивые слухи, пожал его руку и проговорил обычную у